Феликс прислонил свой нос к холодному стеклу окна и впервые почувствовал себя реально ужаснувшимся. Только что прозвучал рог, призывающий команду на боевые посты, и все гномы побежали занимать свои позиции у двигателей и орудий, оставив Феликса бесцельно стоять и беспомощно наблюдать происходящее. Он разглядывал жуткий пейзаж внизу.

Пустыня обрела дикую и ужасающую красоту. Громадные скалистые образования возвышались над сверкающим песком, подобно иссечённым ветром статуям чудовищ. Изумрудное озеро отливало зеленью под алым небом. На его берегах по направлению друг к другу маршировали две огромные армии, словно волны плоти и металла.

Феликс подивился своему страху. Воины Хаоса, двигающиеся внизу, не казались озабоченными присутствием воздушного корабля над головами. Их внимание было поглощено друг другом. Лишь изредка зверолюд или воин Хаоса поднимал взгляд к небу и размахивал оружием. Ни одно из их метательных видов оружия не обладало необходимой дальностью для стрельбы по воздушному кораблю. Макайссон протрубил тревогу, лишь чтобы все были начеку, и Феликс не мог винить его за это. Безумная ярость и многочисленность толпы под ними вызывала ужас.

То были две мощные группировки, возможно, крупнейшие армии из когда–либо виденных Феликсом. Тысячи зверолюдов проходили внизу, словно море вертикально стоящих рогатых и копытных животных — искажённых пародий на человека. Феликс прежде сражался с этими последователями Тьмы, но теперь сама их численность напугала его гораздо сильнее, чем когда–либо прежде. Огромные знамёна поднимались посреди войск, каждое — искажённая пародия на геральдические гербы его далёкой родины. Здоровенные мужчины, облачённые в чрезвычайно богато разукрашенные чёрные доспехи, маршировали во главе обеих армий или скакали по флангам на мутировавших лошадях, в сравнении с которыми карликами выглядели даже крупнейшие из боевых коней армий человечества.

Тут находились тысячи и тысячи бойцов. Феликса это изумляло. Как может эта бесплодная земля прокормить столь обширные полки? Тут явно не обошлось без магии. Глядя сверху на эти огромные армии, он вспомнил прочитанные им описания предыдущего нашествия Хаоса, времён Магнуса Благочестивого, когда был осаждён Прааг, и казалось, что полчища Тёмных Богов сметут весь цивилизованный мир. Те описания всегда казались ему несколько нереальными, с этими зловещими изображениями демонов и громадными ордами искажённых диких тварей, но зрелище армий под кораблём придавало тем жутким изображениям слишком уж правдоподобный вид. Феликс легко мог представить, как эти мощные силы прорываются через перевал Чёрной Крови и обрушиваются на земли людей. Впервые он начал по–настоящему понимать мощь Хаоса, и недоумевать, почему тот до сих пор не поглотил мир.

С рёвом, который был слышен Феликсу даже сквозь шум двигателей воздушного корабля, армии сокращали расстояние между собой. Феликс подготовил телескоп, фокусируясь на удаленных фигурах, и увеличивая их видимость от крошечных фигурок до живых и дышащих бойцов.

Огромная фигура, облачённая в броню из чёрного железа, на котором были выгравированы светящиеся красным руны, на покрытом бронёй боевом коне атаковала группу зверолюдов. Этот нечестивый рыцарь размахивал громадными боевыми топорами в каждой руке. Упряжь лошади была необычно изукрашена. Голову всадника защищала узорная маска, придававшая ему черты демонического дракона. Броня на его теле была сегментирована, подобно многоножке, и в каждом сегменте находилось множество дисков в форме злобной маски демона. Воин–всадник на полном скаку врезался в толпу зверолюдов. Его топоры каждым взмахом обезглавили по врагу. Копыта его коня вышибли мозги ещё одному, и он продолжал продвигаться вперёд, растаптывая тела поверженных в кровавое месиво. Позади рыцаря его

собратья с безумным пылом атаковали отряды зверолюдов, превосходящие их больше чем двадцать к одному. Всадники выглядели бесстрашными и не тревожащимися о том, будут ли они жить или умрут.

В другой части поля боя чудовищные минотавры, вооружённые топорами размером с небольшое дерево, прорубали себе путь через всех тех, кто им противостоял. Они возвышались над зверолюдами, словно взрослые над маленькими детьми, и Феликсу казалось, что у зверолюда такие же шансы победить одного из них, как у ребёнка — победить зрелого мужчину. На глазах у Феликса один из великанов с бычьей головой поймал на рога создание с головой козла и оторвал его от земли, кричащее и визжащее. Взмахом головы он отправил свою пронзённую рогами жертву в полёт шагов на двадцать, где та приземлилась на своих собратьев. От столкновения полдюжины из них опрокинулись на окровавленный песок. Но затем, как заметил Феликс, остальные грудой навалились на минотавра, карабкаясь по его ногам, нанося удары копьями, донимая его, словно стая диких собак, яростно бросающихся на медведя. Массивное создание упало и скрылось в клубах пыли, чтобы оказаться растоптанным копытами зверолюдов и пронзённым их копьями.

Крылатые человекообразные демонической наружности взлетели подобно стае омерзительных летучих мышей и кружились над полем битвы. Сперва Феликс опасался, что те собираются атаковать летающий корабль, и рука его легла на эфес меча, но адская стая издала мерзкий пронзительный вопль и спикировала на орду зверолюдов. Они наносили удары когтистыми лапами, и с силой, казавшейся сверхъестественной, разрывали своих жертв на куски, пока сами не были порублены на части своими взбешёнными противниками.

В центре всего этого вопящего безумства возвышалась гигантская фигура, облачённая в самые необычно изукрашенные доспехи, которые когда–либо видел Феликс. Каждая их составная часть, казалось, была отлита в виде скалящихся черепов и злобных лиц горгулий. Воин восседал на тощем коне, который, казалось бы, едва был способен нести его огромный вес, но тем не менее передвигался со скоростью ветра. В правой руке чемпион Хаоса держал громадную косу, в левой — знамя с изображением трона из черепов, пустые глазницы которых источали кровавые слёзы. Полководец мощным размашистым взмахом косой отдал приказ своим последователям, и орды простых воинов в чёрных доспехах подчинились, устремившись навстречу своей, либо вражеской смерти со странной дикой радостью.

Феликс вынужден был признать, что зрелище ужасало. Он ошеломлённо наблюдал нескрываемую ярость, с которой проходил бой. Он никогда не видел подобной безумной ненависти, которую, казалось бы, обе стороны испытывали друг к другу, и внезапно до него дошло, что это и есть причина, по которой последователи Тёмных Сил всё ещё не захватили мир. Они были разобщены между собой, подобно нациям людей, а в действительности, даже ещё сильнее. Вероятно, слухи о соперничестве Сил Разрушения справедливы. За это Феликс был крайне признателен, так как перед ним была мощь, внушающая уважение и страх.

Всё это навевало тревожные мысли. Что если Силы Хаоса каким–то образом отбросят своё соперничество и обратят свои взоры на мир? Что если какой–нибудь могучий полководец выдвинется среди войск Хаоса и объединит их в единую неодолимую орду? А затем бесчисленные воинства маршем пойдут на Кислев и земли за ним. Крепость и тысяча гусар Страгова внезапно показались до жалости малочисленными.

За какие–то минуты воздушный корабль пронёсся над полем битвы и оно скрылось позади, затерявшись в чудовищной необъятности бесконечной пустыни. Сколь ни обширны были воюющие армии, эта местность низводила их до разряда муравьёв. Тёмный сумрак закрывал видимость горизонта на севере. Сам его вид наполнил Феликса дурными предчувствиями.

Глубоко вздохнув, Феликс возвратился в свою каюту и уснул.

Тряска воздушного корабля пробудила недовольного Феликса от снов об Ульрике. Он поднялся сразу же, лишь по стальным коридорам разнеслось эхо мощного грохота, и всё судно содрогнулось, словно его ударило громадным молотом. У него прихватило живот, когда светильник на стене закрутился, заставив тени кружиться по всему помещению. В то короткое мгновение Феликс определённо почувствовал, что смерть близка.

Он поднялся и посмотрел в иллюминатор. Снаружи был клубящийся мрак. Затем последовала вспышка неправдоподобно зелёной молнии, многочисленные вилообразные разряды промелькнули сверху и пропали во тьме. Через несколько секунд прозвучал удар грома, и весь корабль содрогнулся снова. От сотрясения Феликс слетел с кровати и покатился по полу. Вспрыгнув на ноги, он ударился головой о низкий потолок. От боли в глазах заплясали огоньки, и Феликс протянул руку, чтобы схватиться за стену и попытаться сохранить равновесие. К своему удивлению, он ощутил тепло.

Стараясь удержать равновесие на раскачивающемся полу, он прошмыгнул в коридор и направился в сторону командной рубки. В ушах у него звенело от звука грома, и едва получалось держать под контролем ужас, вцепившийся в его потроха. Это было куда как хуже любой из ранее встречавшихся турбулентностей. Словно великан схватил воздушный корабль своей огромной рукой и пытается разбить его о землю. Он мог слышать рёв мощнейших потоков ветра, ударяющих в корпус. Феликс думал, что в любой момент судно может расколоться, словно спелая дыня под ударом молота, а он и все остальные на судне опрокинутся, и с расстояния в тысячу шагов будут падать сквозь взбаламученный бурей воздух, пока не разобьются о землю.

Чувство беспомощности было весьма пугающим — понимание, что ничего нельзя сделать, чтобы предотвратить последствия. Не было возможности покинуть „Дух Грунгни“, кроме как выбраться через люки на крышу и прыгнуть на верную смерть. В бою он, по крайней мере, мог что–нибудь сделать — воспользоваться мечом, уничтожить врага. Здесь и сейчас ему ничего не оставалось, кроме как молиться Сигмару, и он весьма сомневался, учитывая своё местонахождение, что Бог Молота мог бы что–либо сделать для его спасения. На двадцать шагов до командной рубки, казалось бы, ушла вся жизнь, и Феликс с уверенностью полагал, что каждый его шаг может стать последним.

Добравшись, в конце концов, до командной рубки, он увидел гномов, вцепившихся в устройства управления так, словно они были их последней надеждой в жизни. Готрек стоял в центре, небрежно держа топор в одной руке; он выглядел почти расслабленным, удерживаясь на раскачивающейся палубе небольшими изменениями позы. На его лице не было заметно страха, лишь застывшая ухмылка такого вида, который он обычно демонстрировал лишь в бою. Феликс обнаружил, что руны на лезвии топора отсвечивают красным. Макайссон сражался со штурвалом, его огромные мышцы напряглись, сухожилия, словно верёвки, выделялись на его татуированном теле. Старый Борек был пристёгнут ремнями в одном из кресел, возле него притулился Варек, с лицом, выражавшим нечто среднее между страхом и изумлением. Снорри нигде не было видно.

— Что происходит? — прокричал Феликс, пытаясь расслышать самого себя в отзвуках грома, рёве ветра и гудении двигателей.

Весь корабль снова сотрясло, и возникло болезненное ощущение, что они падают, словно воздушный корабль внезапно потерял возможность держаться на плаву и словно камень полетел по направлению к земле.

— Искривляющая буря, человечий отпрыск! — проревел Готрек. — Худшая из тех, что я видел!

Зловещая зелёная молния промелькнула вновь, вспышка ярко осветила всё помещение, растянув по полу тень Макайссона, затем исчезла. Похоже, разряд прошёл мимо на расстоянии всего лишь нескольких сотен ярдов. Феликс отметил на пути его следования частицы мерцающей пыли, словно облако странно окрашенных светлячков, заполняющие обзор так далеко, насколько заметно глазу. Затем удар грома опять едва не оглушил его, и корабль снова начал падать. Через мгновение ощущение падения прекратилось, а воздушный корабль выровнялся, подобно судну на гребне волны.

Феликс подобрался к окну и посмотрел вниз. Через разрыв в облаках, в отсвете молнии, ему показалось, что он увидел землю. Она была всего лишь в нескольких сотнях шагов под ними, дюны сверкающего песка вздымались и опадали, гонимые титаническими ветрами, словно пенные буруны в штормовом море. Ветер встряхивал огромный воздушный корабль, словно терьер, трясущий крысу. Феликс понимал, что ещё через несколько дюжин ударов сердца их прибьёт к земле, судно изогнётся и сломается, как игрушечная лодочка, которую швырнул в стену дурной ребёнок.

— Малакай! Мы разобьёмся! — заорал он. — Мы почти у земли!

— Тогда иди сюда и помогай, парень. Тяни за тот рычаг высоты изо всех сил. И будь начеку. Из–за цьой бури отказали прыборы.

Феликс метнулся, чтобы встать рядом с инженером, и потянул за рычаг. Обычно тот передвигался легко, но сейчас его словно заклинило. Феликс напряг обе ноги и налёг со всей силы, но тот всё равно не сдвинулся. Холодный металл отказывался повиноваться. Мысли Феликса заполнило видение, как воздушный корабль врезается в каменистую пустыню внизу, и он потянул снова, увеличив усилия силой своего страха. Пот стекал по его лбу. Мускулы словно готовы были прорваться сквозь кожу, и он понимал, что если так будет продолжаться, у него полопаются кровеносные сосуды. Всё без толку — проклятый рычаг не двигался.

— Я не могу его сдвинуть! — позвал он.

— Це ветер давит на элероны, парень. Вин мешает тоби. Продолжай попытки. Не сдавайся!

Феликс продолжил с усилием тянуть, и по–прежнему ничего не происходило. Он понимал, что от катастрофы их, должно быть, отделяют секунды, и всё же ничего не мог поделать. Он вознёс молитву Сигмару за свою душу, сознавая, что тут, в Пустошах Хаоса, жизнь его подходит к концу. Затем внезапно рядом с ним оказался Готрек, приложивший свою огромную силу к борьбе с рычагом. И всё–таки тот не двигался.

Борода Готрека всклокочилась. На его лбу проступили вены, а потом рычаг поддался. Сперва Феликс опасался, что они попросту согнули рукоять, но нет, тот медленно, уверенно и неуклонно двигался назад. Как только они это сделали, нос воздушного корабля поднялся к небесам. Затем, как показалось, воздушный корабль швырнуло назад, словно галеон, захваченный огромной приливной волной. Палуба вздыбилась, а он и Готрек не устояли на ногах и были отброшены назад, в сторону дальней стены помещения. В растревоженных внутренностях Феликса появилось болезненное ощущение, когда корабль бесконтрольно начал то вздыматься в небо, то падать вниз.

— Держаться крепче! — проревел Макайссон. — Будет жёстко!

Ларк выпрыснул мускус страха. Он чувствовал, что его железы опорожнились до полного

опустошения, но всё–таки пытались продолжать потуги. Ветер рвал его шкуру, перебирая её тысячью демонических пальцев.

Блестящая пыль искривляющего камня наполнила его рот и угрожала удушьем. Он уже проглотил порядочное количество вещества, и желудок его наполнился теплом. Его мех встал дыбом. От рёва грома Ларк едва не оглох. От страха и постоянного напора обрушивающегося ветра его глаза слезились. Он вцепился в перила „вороньего гнезда“ всеми четырьмя лапами, хвост обвился вокруг поручней, удерживая его на месте. Скавен старался держаться как можно ниже внутри наблюдательного поста, потому как ветер по–прежнему угрожал оторвать его и отправить кувыркаться навстречу гибели. Это было уже чересчур для его выносливости.

Ларк проклинал день, когда покинул свою отличную тёплую нору в Скавенблайте. Он проклинал серого провидца Танкуоля и его глупые приказы. Он проклинал тупых гномов вместе с их тупым воздушным кораблём и их тупым путешествием. Он проклинал всё и вся — за исключением Рогатой Крысы, которой он не забывал время от времени возносить молитвы о своём спасении.

Всего лишь несколько минут назад всё выглядело так безмятежно. Ларк вскарабкался в „воронье гнездо“ из своего тайного убежища в трюме, чтобы сделать свой ежедневный доклад серому провидцу Танкуолю. Корабль немного трясло, но Ларк привык к его небольшим колебаниям и не придал этому значения. Но к тому времени, как он достиг смотровой палубы, качка усилилась, и весь корабль встал на дыбы в воздухе, словно взбесившийся конь. Но лишь просунув свою морду в нужное „воронье гнездо“ через верхний люк, Ларк обнаружил, что корабль окружён необычным светящимся облаком, в котором сверкают причудливые разноцветные молнии.

Благоразумие скавена подсказывало, что ему следует возвратиться вниз, но остался он по единственной причине — из–за покалывающего вкуса пыли искривляющего камня на языке. Это привело его в восторг и удержало на месте. Искривляющий камень был источником устрашающей силы серых провидцев, и, вполне возможно, первоосновой всей магии. Ларк подумал, что если он попробует немного, то и сам сможет обрести магические силы, но пока не наблюдалось никаких признаков подобного. К тому времени, как он попытался вернуться вниз, проклятые гномы задраили люки, и у него не было возможности открыть их снаружи. Он оказался заперт.

В отчаянном испуге скавен метался внутри аэростата, но необычно раскачивающиеся шары нервировали его, и он устал от подвесных лестниц. Поэтому Ларк вскарабкался назад в „воронье гнездо“, где его и прихватил ветер. Ему удалось спастись, лишь ухватившись за перила, а теперь не оставалось ничего, кроме как ждать и молиться, пока воздушный корабль раскачивался под ним, словно плот в бурю.

Другая серия громовых ударов заставила Ларка посмотреть вверх. Он увидел последовательность вспышек молний, передвигающихся по небу и подбирающихся всё ближе. Их зловещее великолепие ослепило его. Он плотно прикрыл глаза, но без тени сомнения понимал, что они ударят по воздушному кораблю.

Ларк припомнил, что собирался направить своё последнее проклятие в основном на серого провидца Танкуоля.

Феликс тоже видел ряд молниевых разрядов, проходящих прямо по курсу воздушного корабля. Макайссон инстинктивно завертел штурвалом, пытаясь избежать разряда, но было слишком поздно. Зеленоватые молнии ударили по воздушному кораблю. За мгновение перед тем, как

мощное сияние ослепило его, у Феликса было время заметить, как драгоценные камни фигуры на носу корабля вспыхнули ярким, словно солнце, светом. Затем корабль встряхнуло, как если бы он разлетелся на части, и продолжительное время Феликс ничего не мог больше увидеть. На какое–то время его охватил ужасающий страх того, что он ослеп, но это прошло, когда зрение медленно возвратилось. Феликс обнаружил, что всё на командной палубе окружено быстро рассеивающимся зелёным ореолом.

Тепловые ощущения от амулета на его груди были такими, словно тот горел, и Феликс хотел сорвать его, однако его посетила мысль, что это вряд ли мудро — амулет, вероятно, защищает его от магии Хаоса, которая, как очевидно, содержалась в молнии. Он увидел, что амулет на обнажённой груди Готрека сияет яростным зелёным светом, поглощая ореол свечения возле гнома. Затем корабль внезапно прекратил сотрясаться, и небеса возле него очистились.

Феликс поднялся на ноги и проковылял к окну командной палубы. Он всё ещё мог видеть чёрно–зелёные облака искривляющей бури, клубящиеся под ними. Время от времени облака ярко освещались сиянием колдовского огня, когда снова и снова проскакивали молнии. Словно наблюдая сверху необычно хаотическое море, Феликс почти ожидал, что увидит, как некое громадное чудовище поднимется из его глубин и попытается схватить воздушный корабль своими челюстями.

У него ушло несколько минут, чтобы заметить изменение гула двигателей. Звук медленно замирал, пока не прекратился вовсе. Облака медленно проплывали под воздушным кораблём. Он начал медленно поворачиваться туда–сюда на ветру.

— Мы потеряли мощность, — пробормотал Макайссон. — Худо.

В этот момент в помещении появился Снорри. Он зевал во весь рот.

— Что это был за шум? — спросил он. — Он разбудил Снорри.

http://tl.rulate.ru/book/2507/47312